
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 940.55(497.1)«1948/1997»

doi: 10.25730/VSU.2070.18.031

Новое слово в изучении советско-югославского конфликта 1948–1953 гг. *

М. А. Росина

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0002-1241-0854. E-mail: marina_rosina@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой анализ монографии, подготовленной коллективом Института славяноведения РАН. Издание приурочено к 70-летию начала советско-югославского раскола 1948–1953 гг. и содержит всесторонний обзор первого внутреннего конфликта в социалистическом блоке. Автор анализирует вошедшие в монографию очерки и приходит к выводу, что советско-югославский конфликт оказал большое влияние на формирование отношений между странами социалистического блока. Он привел к подавлению идеологического инакомыслия и вынудил национальных лидеров к безоговорочному подчинению СССР. Сумев добиться формальных проявлений единства социалистических стран, Москва спровоцировала в них внутреннюю скрытую критику социализма. В конечном итоге в 1950–1960-е гг. это привело к волне антисоветских выступлений в социалистических странах Восточной Европы.

Ключевые слова: советско-югославский конфликт, международные отношения, внешняя политика СССР, Югославия, холодная война.

Монография, подготовленная авторским коллективом Института славяноведения РАН, является весомым вкладом в отечественную историографию холодной войны. Издание приурочено к 70-летию начала советско-югославского раскола и представляет собой сборник научных очерков, содержащих всесторонний анализ первого внутреннего конфликта в формирующемся социалистическом блоке.

В контексте холодной войны советско-югославский конфликт 1948–1956 гг. приобрел особое значение. Он показал США и их союзникам, что социалистическое сообщество немонолитно, а проведение восточноевропейскими странами самостоятельного политического курса (пусть даже в русле социализма) может усложнить расширение и усиление кремлевских позиций. В значительной степени под воздействием этого американский истеблишмент начал отходить от упрощенного восприятия стран Центральной и Юго-Восточной Европы как послушных сателлитов СССР, формировался дифференцированный подход к социалистическим государствам, ориентированный на учет их национальной специфики.

Научная актуальность представленного труда обоснована редколлекгией, во-первых, отсутствием комплексного исследования, отражающего видение советско-югославского конфликта членами соцлагеря, а во-вторых, наличием в национальной историографии восточноевропейских стран множества стереотипов (с. 6). Исходя из этого, авторы «Очерков» стремились внести вклад в историографию конфликта, представить собственную интерпретацию событий, преодолеть существующие пристрастия и расширить источниковую базу исследования (с. 14), что им в значительной степени удалось сделать. Особое значение авторы придавали стремлению «показать воздействие конфликта не только на развитие особого типа отношений в рамках нового для Европы сообщества, но и на “поведение” власти, ее конкретные мероприятия, обстановку в странах “социалистического лагеря”, настроения населения» (с. 6).

Представленный вниманию читателей труд содержит глубокий анализ предпосылок и содержания советско-югославского конфликта, его исторического значения, а также ставит новые вопросы для дальнейших научных исследований. Семь разделов книги посвящены прояснению

© Росина М. А., 2018

* Рецензия на кн.: Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока 1948–1953 гг. Очерки истории / Отв. ред. А. С. Аникеев. М. ; СПб. : Нестор–История, 2017.

позиций в советско-югославском конфликте не только его главных участников, но и остальных стран советского блока: Албании, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Чехословакии.

Обращают на себя внимание хронологические рамки монографии. Советско-югославский конфликт рассматривается в ней с момента его возникновения в 1948 г. до смерти И. В. Сталина в 1953 г., несмотря на то что дипломатические отношения между Москвой и Белградом полностью были восстановлены правительством Н. С. Хрущева только в середине 1950-х гг. Выбор хронологии обусловлен желанием авторов проанализировать события «острой фазы» конфронтации двух стран и показать читателям, что политический конфликт усугублялся личностным противостоянием Сталина и Тито.

Монография представляет собой ряд самостоятельных научных очерков, показывающих как восприятие советско-югославского раскола отдельными социалистическими странами, так и его значение для всего блока. При этом авторы придерживаются единой схемы анализа внешне- и внутривнутриполитической ситуации применительно ко всем странам. В каждом очерке анализируется отношение лидеров компартий к вопросу о национальном пути построения социализма, особенности их первой реакции на конфликт Москвы и Белграда, положение и деятельность появившейся в их странах югославской политэмиграции, характер и масштабы происходивших политических чисток.

Начавшееся в 1948 г. обострение отношений между Москвой и Белградом явилось неожиданностью для социалистических государств Восточной Европы. Югославия, возглавляемая Тито, воспринималась ими как страна, «наиболее преданная, наиболее близкая Советскому Союзу», как своего рода «образец для подражания». Июньская резолюция Информбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии» вызвала шок у ряда партийных лидеров и была воспринята многими как «недоразумение, которое будет разрешено в ходе дискуссии» (с. 393–394). Несмотря на кажущуюся внезапность произошедшего, глубинные предпосылки советско-югославского раскола начали складываться еще в 1944–1947 гг. В двусторонних отношениях Белграда и Кремля постепенно начиналось охлаждение, возникали трения и недопонимание. Тито считал возможным проведение политики, отличающейся от линии Москвы, чего никак не мог допустить Сталин, особенно в регионе, где пролегла линия размежевания между сформировавшимися социалистическим и капиталистическим блоками [1].

Конфликт с Белградом явился для Москвы важнейшим инструментом осуществления политики сплочения социалистических стран и подавления их внешнеполитической самостоятельности. Он стал проявлением психологической войны, в ходе которой Югославия, к 1948 г. наиболее далеко продвинувшаяся по пути «социалистического строительства» по советскому образцу, была отлучена от «народно-демократического» лагеря [2].

Вышесказанное документально подтверждено и научно обосновано в очерке А. С. Анিকেева «Югославия в годы конфликта с СССР и странами “народной демократии”». Автор показывает, что в условиях сложившейся к 1948 г. международной обстановки необходимости сделать социалистический лагерь строго подчиняющимся Кремлю и монолитным перед лицом внешнего врага, игнорирование Советского Союза как «решающей силы» было совершенно неприемлемо. Поэтому титовская Югославия, имевшая отличные от СССР представления о форме и содержании социализма и методах его построения, не могла не попасть под удар (с. 31, 41). По мнению А.С. Анিকেева, Югославская компартия стала «сакральной» жертвой Сталина, принесенной во имя утверждения нового курса ВКП(б) по отношению к странам «народной демократии» (с. 42).

Вскрывая глубинные истоки, суть и международное значение советско-югославского конфликта, А. С. Анিকেев также выявляет и анализирует использованные Москвой способы его интернационализации. На начальном этапе важнейшим из них стала резолюция Коминформбюро «О положении в Коммунистической партии Югославии», принятая на бухарестском совещании в июне 1948 г. Она рассматривалась Кремлем как главный инструмент воздействия на руководство компартий региона, которым теперь было предписано выступать с резкой критикой югославских «оппортунистов» и «изменников» (с. 50).

В очерке доступно и убедительно показан взгляд на конфликт «обвиняемой» стороны. Занимая последовательную и твердую позицию в неприятии критики из Москвы, Белград, вместе с тем, выражал готовность к диалогу на равных (с. 67), поскольку происходящее создавало для Югославии многочисленные трудности, в первую очередь в экономическом плане. Последним обстоятельством, а также тем, что до марта 1953 г. вероятность агрессии со стороны СССР не исключалось Белградом (с. 101), автор объясняет вынужденное сближение Югославии с капиталистическими странами Запада.

Интересно и ярко в очерке показано то, что для стран советского блока, не дерзнувших перечить Москве, Югославия негласно стала «настоящей революционно-социалистической страной». Анализ большого массива документов того периода позволил обнаружить многочисленные косвенные свидетельства тому, что на двусторонних встречах, проходивших на начальном этапе конфликта, представители компартий соцстран неофициально выражали свои симпатии югославскому курсу (с. 64).

Крупнейший в нашей стране специалист по истории Болгарии в XX в. Т. В. Волокитина в разделе **«От конфронтации до нормализации. Болгария и советско-югославский конфликт. 1948–1956 гг.»** большое внимание уделила восприятию происходивших событий партийными лидерами и рядовыми гражданами соцстран. В подготовленном ею объемном и содержательном материале показано, что конфликт Белграда и Москвы спровоцировал сложность и неоднозначность обстановки в болгарском обществе, породил сомнения части населения в справедливости социалистического строя (с. 121).

В некоторой степени это было обусловлено тем, что после окончания Второй мировой войны Болгария и Югославия стремились к сотрудничеству и установлению тесных связей. Для Софии это открывало возможность выхода из международной изоляции и рассматривалось как фактор, способный положительно повлиять на будущий мирный договор. Югославское руководство считало сближение прологом возможного объединения Македонии в рамках югославского государства. Кризис наступил в тот момент, когда стороны вплотную подошли к решению вопроса о создании югославо-болгарской федерации, и не только положил конец взаимовыгодному сотрудничеству, но и обострил существовавшие ранее территориальные споры (с. 105–106). Крутой поворот, произошедший в двусторонних отношениях Белграда и Софии, не мог не повлиять на восприятие болгарским обществом социалистической модели.

Ссылаясь на материалы российских и болгарских архивов, а также на широкий круг источников личного происхождения, автор обращает внимание на то, что до сих пор нельзя с уверенностью сказать, каким в 1948 г. было отношение к начавшемуся расколу болгарского лидера Г. Димитрова (с. 108). Несмотря на то что ЦК БКП(к) солидаризировался с советской позицией, некоторые факты указывают на то, что Димитров был в числе тех партийных руководителей, «которые скептически отнеслись к обвинениям Москвы в адрес югославов, не склонны были принимать их за чистую монету и не спешили выражать свое отношение» (с. 108). Кроме того, у Димитрова имелись собственные представления о болгарском «национальном пути к социализму» (с. 123, 125).

Несмотря на неоднозначность реакции общества и отдельных партийных деятелей на советско-югославский конфликт, а также его возможные последствия, официально Болгария полностью поддержала СССР. Она вошла в число стран, где антититоизм превратился в важнейший инструмент внутренней политики, направленной на насильственную консолидацию общества (с. 148–159). Начались многочисленные судебные процессы над членами БКП, самым громким из которых стало дело Т. Костова.

Исследователь из Японии К. Кимура и ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН А. С. Стыкалин в очерке **«Венгерско-югославские отношения на рубеже 1940–1950-х гг.: от примирения недавних врагов к межгосударственному конфликту»** выявили роль советско-югославского раскола в эволюции отношений Белграда и Будапешта. Несмотря на то что историческую память народов отягощал груз недавнего прошлого, в первые послевоенные годы венгерско-югославские отношения развивались гармонично и к 1948 г. переживали настоящий подъем (с. 219, 229). До 1948 г. венгерская компартия надеялась на внутривнутриполитическую поддержку со стороны Югославии, а также на понимание Белградом позиции Будапешта в случае возможного обострения противоречий с Чехословакией и Румынией по проблемам территорий и национальных меньшинств (с. 226).

Однако, в отличие от неоднозначной позиции Г. Димитрова, уже при первых сигналах об ухудшении советско-югославских отношений венгерский лидер М. Ракоши стал опасаться обвинений в проведении «протитовского» курса (с. 235). Поэтому, стремясь «выслужиться» перед Москвой, венгерская компартия опередила другие партии соцлагеря в обвинениях против Югославии (с. 239–240). В средствах массовой информации была развернута широкая антититовская кампания. Вплоть до 1956 г. Венгрия не платила Югославии положенные ей репарации (с. 243, 248–250). Острое желание Ракоши продемонстрировать Сталину свою лояльность стало важнейшим побудительным толчком к фабрикации судебного дела Л. Райка.

Очерк А. С. Гладышевой **«Советско-югославский конфликт и Румыния: вовлечение в полемику. 1948–1956 гг.»** показывает читателям, что конфликт между Москвой и Белградом

положил конец позитивным тенденциям в двусторонних отношениях Югославии не только с Болгарией и Венгрией, но и с Румынией (с. 274).

В процессе эскалации конфликта Бухарест, как и Будапешт, твердо следовал курсу, намеченному в Кремле (с. 279). Глава РПП Г. Георгиу-Деж позиционировал себя безупречным и ревностным исполнителем рекомендаций Кремля. Показательно, что после 1948 г. штаб-квартира Коминформа была перемещена из Белграда в Бухарест. Конфликт с Югославией также послужил в Румынии оправданием политики террора в ходе внутривластной борьбы в руководстве РПП, главным итогом которой стало сосредоточение всех рычагов власти в руках Г. Георгиу-Дежа (с. 276, 298).

А. С. Гладышева отмечает, что специфической чертой антиюгославской кампании в Румынии явилось то, что она нашла свое отражение не только в политических репрессиях, но и в мерах против представителей национальных меньшинств. Речь идет в первую очередь о швабах и румынских сербах, которые, по мнению властей, будучи «политически ненадежными элементами», в условиях советско-югославского конфликта представляли угрозу национальной безопасности Румынии (с. 307).

Большой интерес представляет очерк сербского исследователя А. Животича **«Советско-югославский конфликт и укрепление советского влияния в Албании. 1948–1953 гг.»**. В нем показано, что из всех социалистических стран, не являвшихся непосредственными сторонами советско-югославского конфликта, Албания испытала на себе наиболее серьезный удар в политическом, военном и особенно в экономическом плане (с. 327).

Разрыв с Югославией настолько больно ударил по албанской экономике, что даже соцстраны не могли в достаточной мере компенсировать нанесенный ей урон (с. 331, 334). Изначально в Москве опасались нового сближения Белграда и Тираны, поскольку на основе всестороннего анализа ситуации советским руководством был сделан вывод, что югославские позиции в Албании достаточно сильны. Тем не менее на протяжении всего конфликта албанское руководство придерживалось просоветской политики, что наглядно выразилось в демонстративном судебном процессе над албанским коммунистом К. Дзодзе. Более того, под воздействием ряда причин, интересно и подробно освещенных в очерке, между Белградом и Тираной возник самостоятельный конфликт.

В своем исследовании А. Животич отмечает, что, хотя югославо-албанский конфликт начался в рамках советско-югославского раскола, он стал «более глубоким и сложным явлением, обусловленным как характером отношений между двумя странами во время войны и непосредственно после ее окончания, так и масштабами югославского «присутствия» в Албании в различных областях» (с. 347–348). При анализе этого исторического сюжета автор приходит к выводу, что СССР ускорил начало конфликта между Югославией и Албанией, позволив Э. Ходже приступить к ликвидации югославского влияния в стране. Вместе с тем Албания, воодушевленная советской поддержкой, зачастую выходила за установленные Москвой рамки.

В очерке **«Польша и советско-югославский конфликт»** В. В. Волобуев показывает, что для Варшавы «нажим на Тито» выглядел скорее обременительной обязанностью, в которой руководство РПП вынуждено было участвовать в силу принадлежности к советскому блоку. Автор анализирует позицию В. Гомулки, считавшего, что Польша должна идти к социализму своим путем, а не копировать советский опыт. Поэтому сначала он не стал поддерживать обвинения против Тито, а также довольно равнодушно отнесся к созданию Коминформа, за что в конечном итоге поплатился постом лидера партии (с. 349, 353–354, 384–385).

Особенностью Польши стало то, что в ней не было антиюгославской истерии, поскольку эта страна не граничила с Югославией, а число репатриантов и югославских граждан в ней было слишком малым, чтобы всерьез рассуждать об опасности «титовской агентуры». Тем не менее идеологические установки требовали показывать титовский режим исключительно в черном цвете, и польское руководство вынуждено было соответствовать им в силу принадлежности к советскому блоку (с. 383–384).

Завершающий очерк монографии **«Советско-югославский конфликт и Чехословакия: борьба в политическом руководстве и эволюция общественных настроений»** стал одним из последних трудов крупнейшего отечественного историка-слависта, ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН Г. П. Мурашко. Она отмечает, что советско-югославский конфликт сыграл определяющую роль в формировании общественных настроений в Чехословакии того периода, и акцентирует внимание на противоречивости политики Сталина, который до 1947 г. неоднократно говорил, что разные страны могут идти к социализму по-разному, в том числе и не воссоздавая советскую модель (с. 386–387). Эти заявления по-

буждали коммунистических лидеров проектировать национальные пути построения социализма. Однако когда к концу 1947 г. перед советским руководством в качестве первоочередной возникла задача сплочения соцлагеря, способного противостоять капиталистическому миру, опыт ВКП(б) стал обязательным для политической практики всех компартий (с. 389).

На начальном этапе советско-югославского конфликта чехословацкие коммунисты, как и польские, не спешили публично формулировать свою позицию, за что их критиковали в Кремле (с. 395). Более того, советско-югославский конфликт для лидеров КПЧ не стал, как рассчитывала Москва, импульсом к полному и безоговорочному принятию сталинской модели ускоренного построения социализма. Тем не менее перед советской стороной открылась возможность ужесточить свой контроль над процессом формирования новой политической элиты во всем восточноевропейском регионе путем политических чисток (с. 405).

Г. П. Мурашко детально проанализировала эволюцию взглядов партийных деятелей и рядовых граждан, происходившую по мере развития и разрешения советско-югославского конфликта. В конечном итоге она сделала очень интересный и новаторский вывод, что события 1948–1956 гг. в значительной степени активизировали в чехословацком обществе поиски альтернативных путей решения назревших проблем, кульминацией которых стала «пражская весна» 1968 г.

Многолетний опыт исследования истории соцблока в эпоху холодной войны, огромный объем документов и материалов, собранных в национальных архивах, позволили авторам «Очерков» воссоздать яркую картину конфликта, а также масштабный образ той эпохи. Важнейшей идеей, которая красной линией проходит сквозь все представленные очерки, является то, что советско-югославский конфликт, по задумке советского лидера, был призван сплотить соцлагерь, но вся антиитовская кампания в конечном итоге явилась поражением Сталина. Авторы убедительно показывают, что явная тенденция к абсолютизации советского опыта означала его механическое, некритическое восприятие без каких-либо поправок на национальные особенности. В конечном итоге Кремлю удалось добиться сплоченности социалистических стран во внешних проявлениях: в виде информации в печати и на радио, публичных выступлений коммунистических лидеров, показательных политических процессов над «титовцами». Однако все это только усиливало и питало внутреннюю, скрытую критику социализма, и в конечном итоге проявилось в событиях 1953 г. в ГДР, 1956 г. – в Польше и Венгрии, 1968 г. – в Чехословакии.

Список литературы

1. Подробнее см.: Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. Киров, 2014. С. 320–337.
2. *Стыкалин А. С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016.

A new word in the study of the Soviet-Yugoslav conflict of 1948–1953

M. A. Rosina

PhD of historical sciences, associate professor of history and political sciences,
Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-1241-0854. E-mail: marina_rosina@mail.ru

Abstract. The article is an analysis of the monograph prepared by the team of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. The publication is timed to the 70th anniversary of the beginning of the Soviet-Yugoslavia conflict of 1948–1953. and contains a comprehensive review of the first internal conflict in the socialist bloc. The author analyzes the essays included in the monograph and comes to the conclusion that the Soviet-Yugoslav conflict had a great influence on the formation of relations between the countries of the socialist bloc. He led to the suppression of ideological dissent and forced national leaders to unconditionally subordinate to the USSR. Having managed to achieve formal manifestations of the unity of the socialist countries, Moscow provoked in them an internal, latent criticism of socialism. Eventually in the 1950–1960's. this led to a wave of anti-Soviet protests in the socialist countries of Eastern Europe.

Keywords: the Soviet-Yugoslav conflict, international relations, Soviet Union foreign policy, Yugoslavia, the Cold War.

References

1. See more: *Vstrechnymi kursami: politika SSSR i SSHA na Balkanah, Blizhnem i Srednem Vostoke v 1939–1947 gg.* – Opposing courses: the policy of the USSR and the USA in the Balkans, the Middle East in the years 1939–1947. Kirov. 2014. Pp. 320–337.
2. *Stykalin A. S.* *Vengerskij krizis 1956 goda v istoricheskoy retrospektive* [Hungarian crisis of 1956 in historical retrospect]. M. 2016.